

Институт по изучению СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR

Institut d'études sur l'URSS

В. Г. Армбрустер

**Наум Михайлович
Ясный**

(К 80-летию со дня рождения)

М ю н х е н

1 9 6 3

Институт по изучению СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR

Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(Серия 1-я, выпуск 69)

В. Г. Арбрустер

Наум Михайлович

Ясный

(К 80-летию со дня рождения)

М ю н х е н

1 9 6 3

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Издательская Коллегия Ученого Совета Института оставляет за собой право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

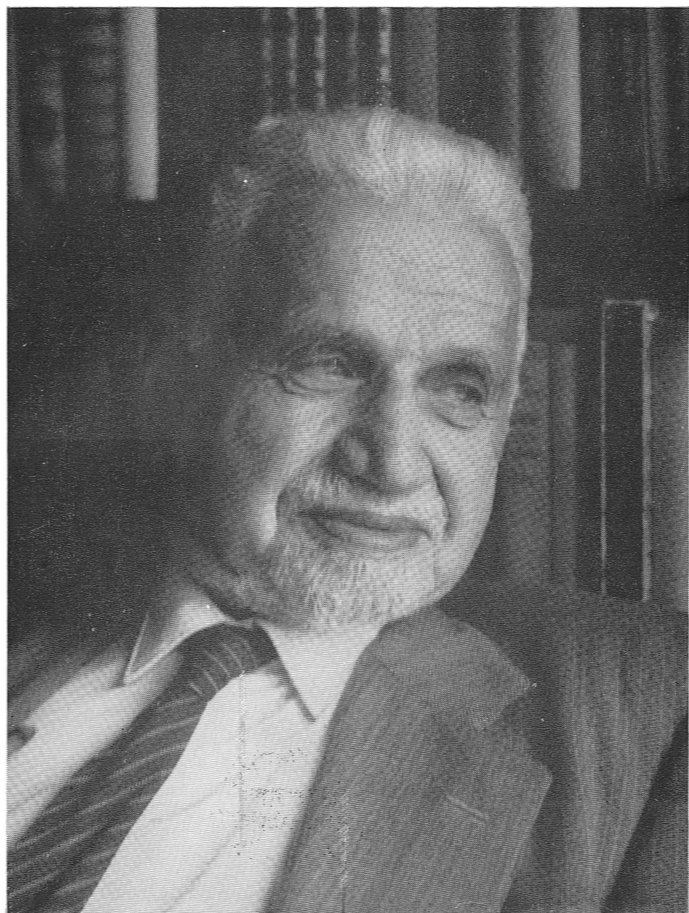
Перепечатка разрешается при условии указания источника.

Verantwortlicher Redakteur: Prof. B. Iwanow.

Herausgeber und Verlag: Institut zur Erforschung der UdSSR, e. V.,
8 München 22, Mannhardtstrasse 6, Tel. 22 06 81 - 84.

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei, 8 München-Allach, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany.

Наум Михайлович Ясный

НАУМ МИХАЙЛОВИЧ ЯСНЫЙ

(К 80-летию со дня рождения)

6 февраля 1963 г. исполнилось 80 лет жизни ученого, которого по праву называют деканом работающих по советской экономике за границей, — Наума Михайловича ЯСНОГО. Жизнь юбиляра наполнена творческим трудом, постоянным напряженным исследовательским старанием, находящим свое выражение как в многочисленных детальном анализе, из которых не каждому сразу виден огромный вложенный в них труд, так и в объемистых сводных работах, которые были быстрее восприняты и оценены научной критикой. Многие труды Н. М. Ясного, сводные и детальные, служат и во все большей степени будут служить образцами исследования истории и современного положения советской экономики для молодых ученых, и некоторые из них являются и будут оставаться руководящими, как, например, его методологическая статья «Исследование советской экономики» (Research on the Soviet Economy в Essay on the Soviet Economy, 1962), информационные «Заметки в приложении» (Appendix Notes) к большому труду «Социализированное сельское хозяйство СССР» (The Socialized Agriculture of the USSR) и др.

Основной чертой его личности как ученого является научная этика, служение исторической правде и академической объективности как наивысшим ценностям; мужество высказать в любых условиях то, что он считает правильным; постоянное стремление к правде, черта, правда, иногда неудобная для окружающих; неустанная работа над самим собой; готовность признать собственные ошибки. Так, эпиграфом к одной из его последних книг являются слова «Через открыто признанные ошибки к правде!» Это — отнюдь не принцип одной лишь книги, в которой он внес некоторые исправления в цифровые расчеты прежних изданий; это — лозунг всего его жизненного пути.

Путь Н. М. Ясного кремнист. Не только потому, что он должен был покинуть родину в 1921 г. — он разделил участь многих тысяч эмигрантов, — но, может быть, потому, что резкость его характера в отношении всего того, что затрагивает вопросы научной объективности, того, что он, на основе трезвого экономического анализа, должен был признать верным, и готовность отстаивать свою точку зрения перед лицом друзей и врагов мешали ему подниматься по ступеням какой-либо служебной лестницы или партийной иерархии. «Индивидуальный образ действий, — сказал он однажды, — оказался самой подходящей для меня организационной формой». Так он приобрел себе немало противников среди приятелей, а иногда и друзей среди неприятелей — и остался одиноким борцом. Но это и значит, что научный престиж, которого он добился на этом пути, является не результатом его положения в кругах официальной науки или широких возможностей использования вспомогательных работников, а исключительно результатом самих достоинств его работы, веса его научных изысканий.

Н. М. Ясный родился 25 января (по старому стилю) 1883 г. в Харькове, в семье богатого коммерсанта. В 1902 г. он окончил классическую гимназию и затем

учился в нескольких университетах России и западноевропейских стран. В 1908 г. блестяще выдержал государственные экзамены по юридическому факультету в С.-Петербурге и Харькове. Судьба вела его по пути к научному экономическому исследованию не прямо, а через две очень важных для его дальнейшего развития стадии: первая — практическая, технико-коммерческая деятельность в мельничном предприятии отца, где он приобрел чувство реальности, хозяйственно-психологически возможного, ознакомился с хозяйственными, организационными и техническими проблемами ведения предприятия и заложил основу прочных знаний в области зерноведения во всех его отношениях; второй стадией была его работа в Союзе городов,¹ демократической организации в России военных лет, занимавшейся организацией обеспечения фронта и населения продовольствием и др. Ясный покинул отцовское предприятие, «чувствуя себя разбойником из-за чрезмерных военных прибылей», и поступил на работу в Союз городов весной 1916 г. Сперва Н. М. Ясный работал в рамках того сектора Союза городов, который был ответственен за обеспечение тыла, в частности и беженцев из зоны военных действий, продовольствием и медицинской помощью, в Пскове, центре Северного фронта этой тыловой организации, в должности начальника продовольственного отдела. На этом посту он испытал многие неприятности от признанного им самим недостатка его характера: неумения обращаться с людьми. По собственному желанию он был потом переведен в Москву, хотя не туда, куда ему хотелось, а именно в тот отдел Союза, который во главе с В. И. Астровым отвечал за снабжение продовольствием всех трех тыловых секторов, но в личный секретариат пред-

---

¹ Председателем Союза городов был Николай Иванович Астров, секретарем — Марк Вениаминович Вишняк, а экономическим советником и издателем журнала Союза — Лев Николаевич Литошенко.

седателя Союза Н. И. Астрова, где он занял должность помощника секретаря. Там же обнаружили его способности как специалиста по зерновому хозяйству. Открыл его Владимир Густавович Громан, крупный экономист и статистик,² который в это время состоял в должности представителя Союза городов в Особом Совете по продовольственному делу при Министерстве сельского хозяйства. В этом Совете были представлены не только все министерства и государственные ведомства, но и общественность, т. е. Союз городов, Земский союз (представителем последнего был П. Б. Струве), позже также Центросоюз. Кроме того Громан был начальником статистических бюро экономического отде-

---

² В. Г. Громан, член меньшевистской партии, прошел до этого времени уже многолетнюю практику как революционер и как статистик; в 1916 г. ему было около 40 лет. Он никогда не был крупным политическим лидером, зато тем более он был известным статистиком. Видное положение он занимал в земской статистике. В 1915 г. издал три тома трудов по борьбе с дороговизной Общества имени А. И. Чупрова. После Февральской революции он стал членом Совета рабочих и солдатских депутатов и председателем его продовольственной комиссии, а также центральной продовольственной организации Петрограда. С 1923 г. играл большую роль в Госплане. Контрольные цифры за 1925, 1926 и 1927 гг. — его произведение. В 1931 г. он был главным обвиняемым в большом процессе меньшевиков и приговорен к 10 годам тюремного заключения. Таким образом он был основоположником советского планирования, не в речах с высокой трибуны, а в практической деятельности. Н. М. Ясный считает, что в исследованиях Громану не отдается должное в этом отношении, потому что он остался в СССР и пытался вести добросовестную работу и под властью большевиков. Он должен был уйти, когда вторая большевистская революция, форсированная индустриализация и поход против крестьян с необходимостью превратили все органы статистики, отчета и планирования из средств познания экономической действительности в инструменты партийной пропаганды цифрами. Нам кажется, что Громан пал жертвой своей собственной статистической страсти 1917 г., несмотря на его документально доказанную умеренность в последовавшие затем годы.

ла Союза городов в Москве и в Петрограде.³ В связи с конференцией, созванной для подготовки обзора положения дел в мукомольной индустрии, Громан искал кого-нибудь для составления протокола заседания этой конференции и нашел подходящего сотрудника в бюро Астрова: Ясный составил протокол конференции, он был единственным из присутствовавших, который располагал практическими знаниями в этой области; он же составил и вопросник для опроса предприятий. Немедленно Ясный был переведен в петроградское бюро Громана, где работал статистиком, был правой рукой Громана и представителем Союза городов в Центральном бюро по мукомольному делу. Сотрудничество с Громаном было поворотным пунктом в жизненном пути Ясного. Действительно, после этого, казалось бы, кратковременного периода совместной работы с Громаном (с июля 1916 г. до февраля 1917 г.) он навсегда остался экономистом-аналитиком. Ясный признает, что он обязан всей своей научной карьерой Громану, который умел воодушевить своих сотрудников энтузиазмом, преданностью к работе и привить им наивысшую требовательность в отношении точности статистических данных. У Громана, кроме того, была счастливая рука в поощрении молодых талантов, которым он доверял, несмотря на иногда возникавшие разногласия, ответственные задачи. Эту карьеру научного исследователя Ясный продолжал потом за границей; вначале он работал в области зернового хозяйства, где сперва сосре-

---

³ В Московском бюро велась статистическая работа длительного характера под руководством заместителя Громана, Павла Ильича Попова, который позже был начальником советского Центрального статистического управления; в Петроградском бюро велась краткосрочная работа, связанная с представительством Союза городов в Особом совещании. Тут представителем Громана был Федор Андреевич Череванин (Липкин); здесь же работали две большевички, одна из них сестра Ленина, Мария Ильинична Ульянова.

доточился на зерновом хозяйстве России, а потом расширил сферу анализа на мировой рынок хлеба, причем в особенности исследовал вопрос о распространении отдельных хлебов и их доле в структуре зернового баланса как в античном мире, так и в наше время. Начиная с 1948 года, Ясный охватывает своим анализом всю советскую экономику, причем он сосредоточился прежде всего на реальном доходе крестьян и рабочих, на системе цен, с уделением большого внимания ценам на средства производства, на советских показателях по росту национального дохода, на советской статистике и ее особенностях, на методах и темпах индустриализации и этапах советского планирования. Несмотря на многочисленные внешние трудности это было очень последовательное развитие.

С молодых лет Н. М. Ясный был социал-демократом, уже в гимназии он участвовал в междушкольной организации революционного самообразования. После раскола с.-д. партии на две фракции он оказался на стороне меньшевиков, став противником большевизма самое позднее после опубликования сочинения Ленина «Шаг вперед — два шага назад», которое ему «казалось синдикализмом, бонапартизмом, всем что хотите, только не социал-демократизмом».⁴ Но Ясный, по своему складу ума человек непартийный, а скорее объективист, никогда, кроме одного короткого периода в 1905 г., не работал в партийном аппарате. С лидерами меньшевизма он поддерживал непостоянный и нетесный контакт и как на родине, так и за границей не присоединялся ни к каким фракциям или группировкам внутри меньшевистской партии. Здесь обнаруживается одна ярко выраженная черта его характера, связанная с пре-

---

⁴ Тут и в других местах, если не указано иначе, цитируем из неопубликованных пока воспоминаний Н. М. Ясного, которые были нам предоставлены редакцией журнала "Soviet Studies" (Глазго).

обладанием в нем рационально-аналитических сил над эмоциональными (в исследовательской и политической деятельности): интеллектуальное самосознание, которое ему запрещает быть просто функционером-инструментом каких-либо узких интересов какой-либо обособленной группы или рупором какого-либо ходячего мнения; он оставляет за собой право на собственное понимание данной задачи, ее постановку и способ ее разрешения и в частности на критику всего того, что по его опыту и результатам его работы не находится в соответствии с фактами и с требованиями здравого смысла. Так он понимал и свои задачи в Союзе городов, и свои обязанности перед наукой, родиной и единомышленниками. Поэтому он разошелся с Громаном, которого он действительно глубоко уважал и семь месяцев совместной работы с которым он до сих пор считает самым счастливым, самым творческим и самым решающим периодом своей жизни. Разногласия по поводу неосуществимого в то время «Единого плана регулирования народного хозяйства и труда» Громана, который должен был, по мнению Громана, составляться несколькими лицами в срок не более шести недель, хотя это было бы делом целого штаба хорошо подготовленных специалистов на много месяцев; несколько месяцев потребовала бы только работа по собиранию необходимых данных. Вторым моментом этого конфликта была проблема сертификатов, которые, по мнению Громана, должны были играть роль дополнительного платежа к стоимости хлеба в старых ценах. Определить настоящие цены на хлеб в то время было нельзя. «План регулирования народного хозяйства и труда» включал бы и новые цены на хлеб. Разница между старыми и новыми ценами была бы выплачена по сертификатам после утверждения «единого плана». И идея единого плана, и в частности сертификаты — все это выглядело явно фантастически. А Ясный «не верил в чудеса в области экономики», и потому он порвал с человеком, который в тот момент,

когда была необходима крайняя трезвость, увлекся нереальными проектами, поддался соблазну «широких перспектив» планирования. Громан, кстати, при встрече с Ясным в 1923 г. в Берлине признал свою ошибку в марте 1917 года.

Отношение Н. М. Ясного к общественным обязанностям можно характеризовать и другим примером из времени после Февральской революции. Ясный тогда был избран членом представительства Союза городов во Всероссийском продовольственном комитете, пришедшем на смену Особого совещания по продовольственному делу при Министерстве сельского хозяйства; избрало его так называемое правое крыло Союза. Но Н. М. Ясный сразу отказался от представления одного лишь «крыла», в ту же ночь выехал из Петрограда в Москву и добился у президиума Союза признания за ним прав уполномоченного представителя всего Союза. Как мандат понял он доверенную ему общественную работу, как мандат он понимал и исследовательскую работу на всех последующих этапах своего жизненного пути.

После большевистского переворота Ясный покинул Петроград и поехал домой в Харьков. Там и затем на Северном Кавказе он прожил до 1920 г. и имел счастье вполне благополучно избежать всех опасностей того времени, хотя приключения, которые ему пришлось пережить, были такими, что он в своих автобиографических заметках не хочет писать о них, потому что «по крайней мере некоторые из них могли бы показаться неправдоподобными». Затем он был приглашен Сеидом Девдариани, заместителем председателя социал-демократической партии Грузии, в Тифлис на работу в Министерстве продовольствия тогдашней независимой Грузинской республики. Там он проработал около года, в частности в качестве техника при строительстве зерноочистительной установки и советника по делам мукомольной промышленности. После вторжения Советов

в Грузию он с семьей в марте 1921 г. бежал на Запад. Сперва он находился в Вене, терпел лишения, как и другие эмигранты, один без жены и детей, которых он должен был оставить в Линце; в это время он писал статьи для некоторых журналов Австрии и США.

В начале 1923 г. Ясный переехал в Берлин и стал печататься в советских журналах Харькова, Москвы и Берлина. Несмотря на то, что отрицательное отношение Ясного к большевизму было хорошо известно и в советском представительстве, ему, как одному из редких специалистов по вопросам мирового хлебного рынка, до 1928 г. были предоставлены широкие возможности публиковать статьи на эти темы. Один раз большую статью о довоенном экспорте зерна заказал ему Е. Варга. Двое других его знакомых того времени, Тейтельбаум, член представительства УССР в Берлине, и Н. Н. Суханов, в то время редактор двух печатных органов Берлинского торгпредства, погибли в процессе меньшевиков. С работы в Гамбурге в качестве штатного сотрудника зернового отдела торгового представительства СССР он был уволен в 24 часа (14—15 марта 1927 г.), несмотря на немецкое законодательство о труде. Но и после увольнения Ясный продолжал редактировать в Гамбурге объемистый раздел о зерне второго издания Энциклопедии советского экспорта, большинство статей для которого он сам и написал. Еще в 1928—1929 гг. он опубликовал в Москве целую книгу, вышедшую в выпусках-продолжениях в ежемесячнике «Советская экономика». Это было его последнее сотрудничество в советских экономических печатных органах.

К этому времени относятся и первые работы юбиляра для немецких экономических журналов, почти исключительно посвященные проблемам мирового рынка зерна и написанные с таким знанием дела, что они привлекли к себе интерес Institut'a für Konjunkturforschung и Reichsforschungsstelle für Landwirtschaftliches Marktwesen; оба института пригласили его на постоянную работу.

1 августа 1929 г. он начал свою работу в Институте по исследованию конъюнктур, находившемся в персональной унии с германским Центральным статистическим управлением, где работа, по словам Ясного, была великолепно организована. Здесь он впервые составил себе имя, прежде всего публикацией двух специальных изданий Института: № 16, «Современная перестройка заокеанского производства зерна и ее влияние на мировой рынок» (*Die neuzeitliche Umstellung der überseeischen Getreideproduktion und ihr Einfluss auf den Weltmarkt*) и № 20, «Будущее ржи» (*Die Zukunft des Roggens*), в которой он вопреки имевшимся тогда в Германии тенденциям совершенно точно предсказал, что значение ржи как продукта питания уменьшится как во всем мире, так, рано или поздно, и в Германии; действительно, душевое потребление ржи сократилось с тех пор в Германии почти наполовину.

В начале января 1931 года Н. М. Ясный вместе с другими работниками перешел во второй выше названный институт. Причинами его ухода было невероятное «чинопочитание» и чрезмерный почти военный бюрократический режим в отношении отдельных категорий работников и чиновников.

На новом месте Н. М. Ясный успешно продолжал свою исследовательскую и публицистическую деятельность. Обращает на себя внимание прежде всего работа о тракторе в сельском хозяйстве (см. приложенный в конце список печатных работ Н. М. Ясного), т. е. по не исследованной до тех пор экономике конкуренции трактора с животной тягой, в которой он указал, что при вытеснении лошади трактором главную роль играет не непосредственная экономия на рабочей силе, а влияние общего уровня зарплаты в стране на весь уклад ее сельского хозяйства. Хозяйство с высокими зарплатами тяготеет к специализации и к более коротким срокам применения тяги, чем отстающее хозяйство с

более низким уровнем зарплат, т. е. неспециализированное смешанное сельское хозяйство, у которого сроки применения тяги длительнее, так что очевидная разница в расходах между постоянным потреблением овса с одной стороны и непостоянным потреблением горохого, смазочного масла и т. д. с другой увеличивается в зависимости от уровня специализации, т. е. от длительности срока применения тяги, настолько, что даже очень низкие цены на овес (как, например, в США) не могут компенсировать превосходство трактора. Таким образом, решающую роль играет не соответствующая экономия на зарплате и кормах, а общие последствия высокого уровня зарплат на всю структуру сельского хозяйства.

Последние три с половиной года пребывания Ясного в Германии были, по его словам, самыми плодотворными. Он за это время опубликовал пять книг и множество статей и обзоров. Кроме того, только во время работы в этих институтах он имел в своем распоряжении высококвалифицированных вспомогательных сотрудников. Главным из них был, между прочим, покойный Павел Любке. И конечно материальная сторона жизни Ясного, наконец, улучшилась после лишений предыдущих 12 лет. Эта светлая картина была омрачена длительной болезнью, а затем смертью его жены и наконец разрушена приходом к власти национал-социалистов, заставившим его эмигрировать еще раз: «Дело было, — говорит он, — не в том, что я предвидел страшные жестокости против евреев и не-евреев, а просто в том, что я покинул свою родину потому, что не хотел жить под диктатурой. Еще менее мне хотелось жить под властью иностранного диктатора». В августе 1933 года Ясный прибыл в США и снова начались все трудности эмигрантской жизни, несмотря на то, что он своими трудами был уже известен в соответствующих институтах США, прежде всего в Институте по изучению пищевых продуктов Станфордского университета, ко-

торый вместе с д-ром О. Бэкером помог осуществить его переезд в США. В США Ясный испытывал не только трудности языка, но и трудности приспособления к американским условиям и характеру исследовательской и издательской работы, притом в области советской экономики, в которой американская наука в это время делала только первые шаги. Но несмотря на все эти затруднения, которые, наверное, еще усиливались его ненавистью ко всем формам бюрократизма и резкостью его характера, Ясный за годы своего пребывания в США опубликовал десять больших книг и массу статей как в американских, так и в различных европейских специальных журналах. Эти работы он считает своими наиболее зрелыми научными трудами, перед которыми даже его лучшие работы периода жизни в Германии отступают на второй план. В первые годы в США Ясный продолжал свои исследования по распределению и экономике важнейших зерновых продуктов. После окончания большой книги «Конкуренция хлебов», изданной вышеуказанным институтом, Ясный начал работать над историей пшеницы. Эта тема ему была поручена первоначально американским Министерством сельского хозяйства, но после конфликта с чиновниками Министерства, очевидно не осознавшими объема этой работы, как и того обстоятельства, что Ясному пришлось, против его ожидания, «поднять целину», он продолжал эту работу на собственный риск. Она затем была издана университетом им. Джона Гопкинса в Балтиморе, в 1944 г., под названием «Пшеницы классической древности» (*The Wheats of Classical Antiquity*; см. в списке печатных работ названия других работ на эти темы).

Это — большой вклад в экономическую и общую историю античного мира и кроме того, пожалуй, самый крупный труд Ясного вообще. Тут ему как специалисту по зерновому хозяйству пришлось столкнуться с трудностями переводческой идентификации отдельных хле-

бов, видов пшеницы, сортов муки. На основе его практических знаний в области зернового и мукомольного дела, обширных вспомогательных исследований в областях почвенной, климатической и растительной географии средиземноморских стран, античной мукомольной техники, рассмотрения античных первоисточников и критического анализа вышедшей ранее литературы, но также и на основе данных ботаники он сумел устранить путаницу, создавшуюся здесь от употребления несоответствующих действительности переводов со стороны филологов и историков, не обладавших соответствующими специальными знаниями. Таким образом его работа является весьма значительным вкладом и в классическую филологию. Прежде всего он выяснил, что пшеница вообще не играла в античные времена главенствующей роли, которую ей до сих пор приписывают, и указал на историческую причину этого заблуждения: в латинских источниках больше всего говорится о пшенице по той простой причине, что городское население Рима, столицы мира, предпочитало пшеницу как самое лучшее зерно, и потому римские завоеватели заставляли население захваченных стран культивировать пшеницу для потребностей Рима, несмотря на то, что местное население провинций Римской империи питалось преимущественно ячменем, а не пшеницей. Ясный определил роль других хлебов, в первую очередь ячменя; много недоразумений пришлось устранить и в отношении эммера — пленочной пшеницы. Освобожденный от пленок, эммер очень мало отличается от обыкновенной (голой) пшеницы. Ввиду обилия пленок на эммере историки, однако, отводили ему только очень низкое место, значительно ниже не только голой пшеницы, но даже ячменя: в древние времена зерно измерялось не по весу, а по объему, поэтому и значение зерна историки оценивали по вымолоту на единицу объема. Но не эта более специальная сторона книги самое важное, а то влияние, которое общие результаты этого

и граничащих с ним исследований Ясного оказали на представления о повседневной пище и о быте античных людей, поскольку Ясный в своих исследованиях подошел к своему предмету с точки зрения не только потребления, но и производства, например, способов и производительности помола, степеней вымолота, способов изготовления хлеба. Таким образом он лучше своих предшественников определил возможное потребление населения античных стран, указывая при этом на обусловленный временем низкий, по сравнению с нашими условиями, уровень жизни, в особенности питания, не только широких масс, но даже и имущих классов. Коррективы, внесенные Ясным в наше представление о повседневной жизни античного мира, таким образом весьма велики и в конечном счете способствуют восстановлению правильной картины античной действительности. Ввиду этого нам остается только глубоко сожалеть о том, что ему не представилось возможным далее разрабатывать эту отрасль экономико-исторического исследования (например, предусмотренной им экспедицией к местам).

Во время второй мировой войны Н. М. Ясный работал в государственной организации Foreign Economic Administration. Военная связь с СССР сильно облегчала в правительстве положение сторонников советской власти и затрудняла положение противников советского режима. В конце концов Ясный прекратил связь с данной организацией. Но связи с советскими проблемами он не порвал. Она, наоборот, делалась все теснее. И чем теснее она делалась, тем тяжелее для него становилась жизнь.

Незадолго до окончания второй мировой войны Ясный начал работу над первым своим крупным трудом о советской экономике «Социализированное сельское хозяйство СССР» (The Socialized Agriculture of the USSR) и приблизительно с тех пор ведет он борьбу с неправильными представлениями о достоверности советской ста-

тики, борьбу, в которой он, скажем наперед, остался победителем. Сам Ясный говорит в своих автобиографических заметках, что во время второй мировой войны, когда Сталин был союзником США, людей, интересующихся советской экономикой и в то же время являющихся решительными противниками всякой диктатуры, то есть, конечно, прежде всего противниками Сталина, можно было сосчитать по пальцам. Самое трудное для Ясного время началось, когда в 1948 г. ему пришлось убедиться в том, что исследование советской экономики, в том виде, как оно велось тогда в США, содержало в себе предвзятость в пользу Москвы и что он, следовательно, был обязан переключиться с сельского хозяйства на исследование советской экономики в целом. Критическое отношение Ясного к советским статистическим данным являлось для многих его коллег, в особенности же редакторов специальных журналов, подзревавших его в предвзятости против советской системы, камнем преткновения. В специальном сборнике, посвященном проблемам советской статистики и приложенном к ноябрьскому номеру одного авторитетного экономического журнала в 1947 г. (Ясный не был приглашен участвовать в нем), все участники прямо или косвенно выразили свое доверие к советской статистике. Лишь немногие работы Ясного появились тогда в США. В 1953 г. одна влиятельная организация подвергла резкой критике его труды в статье «Арифмантия, теомантия и исследование советской экономики», подразумевая при этом под арифмантией и теомантией исследовательские работы Ясного. Несмотря на тяжелое материальное положение, обусловленное его «упорством», он не изменил своих убеждений и продолжал свои исследования, публикуя их в немногих американских и европейских научных журналах, принимавших его работы, сознавая, что все его анализы и книги — результаты труда человека, который умеет обращаться с советским статистическим материалом и делает это не-

зависимо от того, нравится это Москве или Вашингтону, или нет. Его труды выдержали экзамен времени, и то, что в 1953 г. называлось арифмантией и теомантией, ныне общепризнано как подлинная исследовательская работа. Но это трудное для него время длилось примерно от 60 до 75 года его жизни, в возрасте, в котором его коллегам уже улыбается мирная жизнь в отставке. История как самой советской экономики, так и исследования ее в США показала, что предвзятость была не у обвиняемого в предвзятости, а, наоборот, у обвиняющих. С тех пор не только исследования западных экономистов, но и сами советские публикации (хотя, правда, только в некоторых секторах) обнаружили несостоятельность предположения, будто партийная статистика сталинского времени была «в основном честна».

Всего лучше этот процесс переоценки советской статистики, которому не в последнюю очередь способствовал Н. М. Ясный, виден из судьбы его крупного труда о социализированном сельском хозяйстве СССР. В 1959 г. видный экономист Корнелльского университета Гарднер Кларк, прочитав этот труд, писал: «Десять лет тому назад его (Ясного) критическая оценка советского сельского хозяйства в общем рассматривалась как предвзятая и крайняя. Позже, начиная с 1953 г., Хрущев выступил с серией разоблачений (в отношении старых советских статистических данных), которые превратили крайность критической оценки Ясного в недостаточную крайность». А в 1960 г. известный Алек Ноув Лондонской школы экономики и политической науки, в статье "Jasny's 'Agriculture' Revisited",⁵ после перечисления тех многих пунктов, где Ясный был прав, заявляет: «Там, где он неправ, он ошибается лишь в том, что недостаточно указывает официальные преувеличения», и добавляет: «Он был ближе к истине, чем кто-либо другой».

---

⁵ "Soviet Studies", vol. XII, No. 2, October 1960, pp. 190—192.

Это значит, что некоторым коллегам Ясного, и в том числе целым исследовательским группам, работавшим с необходимым штатом работников, понадобилось 10 лет, чтобы «догнать» Ясного, причем им еще помогали «толчки» со стороны Хрущева, в то время как Ясный уже в 1949 г. мог спокойно доверять своим анализам и даже знал размеры возможных неточностей. Ему не пришлось опровергать ни свою первоначальную концепцию, ни свои методы, ни общие результаты исследования; ему стоило только внести незначительные поправки и уточнения.

Это было торжеством над советскими методами завуалирования действительности с одной стороны и над неумением и разными формами предвзятости на Западе с другой, победой трезвого анализа над партийной пропагандой и эмоциями. Уже тот факт, что одиночке экономисту-эмигранту, работающему в большой отдаленности от места событий, удалось, на основе неполных и неточных, часто прямо фальсифицированных данных советской статистики, отчасти распыленных по огромному числу самых различных и вовсе не всегда специально экономических журналов и газет, создать весьма правильную картину советской экономики в то время, когда рядовой советский экономист не имел доступа к подлинному статистическому материалу и когда западные специалисты еще не разбирались в приемах партийной советской статистики, один этот факт чрезвычайно достопримечателен и имеет огромное значение для будущего исследования советской экономики.

Следует подчеркнуть еще одну заслугу Ясного. Осознав в 1948/49 году, что книги о советской экономике, принимавшие каждую советскую цифру за чистую монету, служат в американских университетах авторитетными пособиями, он решился сразу опубликовать свои предварительные анализы и исчисления, чтобы содействовать конструктивной критике распространявшейся неверной картины советской экономики. Он хо-

рошо знал о неизбежной ограниченности доступного ему материала, как и о возможных затруднениях: публикация таких анализов в предварительном виде для него как человека науки также была своего рода преодолением какой-то особой предвзятости, а именно той, что не разрешается публиковать статью, пока не имеется налицо полностью весь материал. Поэтому Н. М. Ясный разрешил этот конфликт двух обязанностей в пользу научной ответственности, совпадающей тут с политической. Несмотря на относительную поспешность тогдашних предварительных анализов и недостаточность материала, уже тогда ему удалось определить с достаточной точностью фактические размеры советского национального дохода, выпуска промышленности и ее роста, капиталовложений, реальных зарплат важнейших групп населения, военных затрат и др.

Н. М. Ясный, был, как мы видели, прекрасно подготовлен к своей исследовательской работе. Он принимал участие в военном планировании дореволюционной и демократической России, работал вместе с одним из самых крупных плановиков только что возникшего советского государства и таким образом получил непосредственный доступ к коренным проблемам советской экономики, затем работал для советского торгового представительства. За все это время он расширял свои знания в области советского сельского хозяйства, представляющего до сих пор большую долю советской экономики и определяющего в значительной степени жизненный уровень и реальные доходы населения страны. Превосходство анализов Ясного обуславливается прежде всего тем, что он в совершенстве знает экономическую историю Советского Союза и, когда пишет свои работы, пользуется этими знаниями, так что, исследуя данную проблему в аспекте данного периода времени, никогда не теряет из виду общего хода развития и его главных показателей. Приведем пример из одного из его более ранних трудов в этой области, «Советская

экономика в плановую эру» (The Soviet Economy during the Plan Era, 1951), относящийся к первому периоду советской индустриализации.

Частное потребление увеличилось в общем с 1928 по 1937 г. с 21,0 до 23,3 млрд. рублей, включая натуральные доходы колхозников (в настоящих неизменных ценах 1926—1927 г., в отличие от фальсифицирующих картину несравнимых советских «неизменных» цен), т. е. примерно на 10,9%; общая численность населения за то же время увеличилось примерно на 14 млн. человек, с 151 млн. примерно до 165 млн., т. е. на 9,3 %. На первый взгляд это представляет собой увеличение частного потребления, превышающего прирост населения. Но это далеко не так: за то же время сельское население уменьшилось на 8%, а городское увеличилось в связи с индустриализацией на 70 %. Ввиду того, что по официальным данным 1927/28 г. личный заработок на душу городского населения был выше личного дохода на душу сельского населения в 3,7 раза, потребовалось бы для обеспечения среднего частного потребления лишь на уровне 1928 г. его повышение не на 10,9%, а на 26%, т. е. в два с половиной раза больше фактического повышения. Таким образом получилось не повышение, а чувствительное снижение уровня потребления. При этом повышение на 26%, необходимое для простого поддержания старого уровня, относится только еще к факту указанного передвижения сельского населения в город как таковому, т. е. к тому обстоятельству, что пришедшее в город население должно было перейти к городским нормам потребления, к большему потреблению готовых продуктов в городе по сравнению с деревней, но при прочих равных условиях, в частности при предположении, что как городское, так и сельское население покрывали свои потребности в товарах широкого потребления товарами на той же степени изготовления, как и в 1927—1928 году. Но это не имело места. Сдвиг от домашней продукции к промышленной прохо-

дил в гораздо более быстрых темпах, чем это обуславливалось передвижением сельского населения в город. При этом советское правительство установило на сырые и полуготовые продукты и фабрикаты, пригодные к окончательной обработке населением как, например, на муку (для городского населения) и зерно (для сельского), табак, мясо, и, повидимому, и на материю и другие текстильные фабрикаты, превышенные, не основанные на себестоимости, цены, дискриминирующие их по сравнению с готовыми продуктами и фабрикатами государственной пищевой и легкой промышленности (хлеб, колбаса, папиросы, платья, костюмы и т. д.), цены которых сами по себе были уже достаточно высоки, чтобы обеспечить громадное накопление государственного капитала. В отношении темпов вытеснения домашнего производства очень характерно развитие промышленного хлебопечения: за 1928—1938 гг. производство товарного хлеба увеличилось с 4 млн. т до 16,6 млн. т, но потребление за это время увеличилось только примерно в той же пропорции, как и численность населения. Таким образом, громадный рост стоимости продукции товарного хлеба никоим образом не означал большего потребления хлеба на душу населения, а указывал только на то, что население было вынуждено в большом масштабе перейти к потреблению государственного хлеба и что даже часть крестьян должна была питаться товарным хлебом по высоким ценам. Дело тут, конечно, как Ясный сам отмечает, не в переходе на промышленные продукты как таковом, а в бессмысленном форсировании этого процесса, идущем наперекор интересам населения. А это, конечно, лишь один из многочисленных случаев, где правильные результаты могут быть достигнуты только применением метода, который включил бы в себя кроме анализа отдельных фактов и цифр и весь исторический процесс социально-экономического развития страны. Та же самая методика является и отличительной чертой

статистических анализов Ясного, так как он, на основе своего глубокого знания картины каждого отдельного года в смысле положения дел с промышленной или сельскохозяйственной продукцией, доходами различных групп населения, капиталовложениями, количеством занятых рабочих, долей национального дохода того или другого сектора экономики, оборудованностью в различных секторах народного хозяйства и т. д., сразу определяет, почему советские статистики взяли именно данный год в качестве базисного, а не другой.

В работах Ясного выделяются четыре обширных, часто переходящих друг в друга поля исследования.

Во-первых, исследование советской ценностной системы, как в больших сводных трудах, так и в отдельных и вспомогательных анализах в составе других работ. Результаты этой постоянной работы являются основой для многих его других аналитических достижений, так как только с их помощью ему было возможно перевести раздутые советские показатели прироста, как в сельскохозяйственной, так и промышленной продукции, на соответствующие действительному росту величины. Исчисленные показатели цен позволили ему, в связи с анализом налоговой системы, определить доходы различных групп населения и их жизненный уровень с одной стороны и стоимость рубля в различных секторах экономики с другой, что особенно важно для определения действительного объема капиталовложений в данных секторах и военных затрат. Косвенно к этим работам (а прямо к изучению советской статистики) относятся и его исследования по определению роли так называемых неизменных цен 1926/27 г., которые лежат в основе всех советских приростных показателей до 1946 г. (и в некоторых показателях до 1949/50 г.). Эти «неизменные цены» сохранялись, несмотря на то, что их негодность была признана уже к середине 30-х годов, и применяются до сих пор для характеристики развития экономики за первые четыре пятилетки, об-

ладая одним качеством, удобным для советской партийной пропаганды цифрами: они раздувают эти показатели до невероятного, так как все новые фабрикаты и виды продукции включаются в этот показатель «неизменных» цен не по перечисленным на уровень базисного года ценам, а просто по новым ценам данного года, а новизна или нововизна данной машины и т. д. — это, в случае сомнения, вопрос политического решения, что, разумеется, больше всего сказывается на политическом эффекте внушительных показателей выпуска машиностроительной промышленности. Несмотря на инфляцию, некоторые советские показатели по этим «неизменным» ценам 1926/27 г. к 1939 г. были даже выше показателей по текущим ценам.

Вторая область исследований Н. М. Ясного — анализы советской статистики, представленные в двух более крупных работах, исключительно посвященных этому вопросу, одна из них — «Комментарии к советскому Статистическому сборнику 1956 г.» (The Soviet 1956 Statistical Handbook: A Commentary), но их главная часть находится во многих других трудах автора. Эта аналитическая работа часто сводится к разоблачению сознательных, искажающих действительную картину приемов советских статистиков, работающих по партийному указу, причем трудности пользования советской статистикой, являющейся не сплошной фальсификацией, а «смесью из фальсифицированного, искаженного, вводящего в заблуждение и правильного статистического материала»,⁶ вовсе не заключается в том, что будто нельзя разоблачить эти настоящие фальсификации, — иногда первый тщательный анализ или простая арифметика покажет их очевидную несостоятельность, — а в том, что в этой смеси в известных случаях нельзя узнать, относятся ли данные, похожие на

---

⁶ Essays on the Soviet Economy, Institut for the Study of the USSR, Munich 1962, p. 17.

правильные, к разряду правильных или к разряду неправильных. В своих анализах Ясный встречался не только с данными, фальсифицированными в сторону преувеличения, но и с фальсификациями, произведенными обратным методом — приуменьшения старых народно-хозяйственных показателей, не только царской России, — обычное явление, — но и предхрущевских, т. е. сталинских достижений. Этот последний способ играет сейчас важную роль в партийной пропаганде, поскольку он позволяет ей пытаться доказывать, что рост продукции, материальной обеспеченности трудящихся и т. д. продолжался и продолжается неуклонно в тех же темпах и при Хрущеве, при чем искажения как раз здесь подчас доходят до абсурда. Приведем несколько примеров из работ Н. М. Ясного:

1) Объем советской промышленной продукции в 1928 г. в сравнении с промышленной продукцией США в том же году был определен в 1934 г., в справочнике Я. А. Иоффе «СССР и капиталистические страны», в 10,5%, а в издании 1939 г. того же справочника за тот же год в 6,7%. Но на этом дело не кончилось: до 1957 г. тот же Я. А. Иоффе выработал новые статистические «достижения», уже более утонченные. Он уже не снижал процент промышленной продукции в базисном году, это было бы совершенно бессмысленно, а избрал 1950 г. как базисный с соотношением США—СССР как 100 : 32,1, а затем выделил это соотношение по-новому — вниз и вверх по историческому ряду показателей:

	1913	1937	1950	1955
в редакции 1939 г.:	6,9	32,7	—	—
в редакции 1957 г.:	6,8	24,3	32,1	47,9 ⁷

2) Другой пример относится к 1956 г. В своем докладе о шестой пятилетке Н. А. Булганин на XX съезде КПСС привел цифры о государственных (фиксиро-

⁷ Страны социализма и капитализма, Москва 1957, стр. 48, 51—52.

ванных) капиталовложениях в отдельных пятилетних периодах и подчеркнул при этом, что все приведенные им цифры представляются им по сравнимым ценам на 1 января 1955 г. Анализ Ясного показал, что только суммы государственных капиталовложений 4-й, 5-й и плана 6-й пятилетки (311 млрд., 594 млрд. и 990 млрд. рублей соответственно) были приведены Булганиным в этих сравнимых ценах, а объемы капиталовложений первых трех пятилеток даны в текущих ценах тех лет (58 млрд., 132 млрд. и 131 млрд. рублей соответственно). Так как Булганин представил эти суммы по ценам на 1 января 1955 г., эта сумма в средних ценах первой пятилетки была бы равна 20 млрд. рублей, что означало бы, если бы это соответствовало действительности, что уровень капиталовложений в первой пятилетке был не выше уровня предыдущего периода, т. е. нэпа, когда государственные капиталовложения были относительно невелики, в то время как в период первой пятилетки «был заложен фундамент социализма в СССР». Этим приемом Булганин хотел внушить идею, что государственные капиталовложения за период 1929—1955 гг. увеличились более чем в 20 раз, в то время как, по тогдашним исчислениям Ясного, произведенным им в настоящих сравнимых ценах 1926/27 года, они увеличились только приблизительно в 8 раз.⁸ При этом надо подчеркнуть, что подобного рода нигилистическая оценка прошлого, т. е. собственного прошлого «великих достижений» построения социализма в одной стране, имела место не в сталинский, но в послесталинский, хрущевский период.

3) Самый яркий пример фальсификации это утверждение в «Отчете о выполнении плана за 1948 год», что реальные заработные платы больше чем удвоились в одном лишь 1948 году, т. е. в году после отмены карточной системы (16 декабря 1947) и валютной реформы.

---

⁸ Essays on the Soviet Economy, pp. 24—27.

Указанное утверждение обосновывалось тем, что количество сельскохозяйственных продуктов, проданных на колхозных рынках, «увеличилось значительно по сравнению с 1947 годом» и «далеко превзошло довоенный уровень», что в связи с снижением государственных цен на продовольственные продукты и промышленные товары и сокращением цен в кооперативной и колхозной торговле покупательная способность удвоилась и что номинальные заработки рабочих и служащих повысились. Анализ Ясного показал следующее. В конце 1948 или в начале 1949 г. объем колхозной торговли в 1940 г., официально оцененный в 41,2 млрд. рублей (по ценам 1940 г.), был секретно уменьшен до 29,1 млрд. рублей (по тем же ценам), но эта операция была раскрыта только в 1956 г., так что во время публикации отчета за 1948 год никто не мог знать, что «значительное увеличение объема колхозной торговли в 1948 г. по сравнению с довоенным уровнем» (в 1951 г. заместитель министра торговли М. М. Лифиц указал на 22^{0/0}) относилось не к 41,2 млрд., а к «новой», до того не опубликованной цифре 29,1 млрд. рубл., т. е. можно было полагать, что речь шла о 50,3 млрд. рубл. (по ценам 1940 года), а в действительности имелось в виду лишь 35,5 млрд. рублей (по тем же ценам), т. е. гораздо меньше в 1948 г., чем раньше было сказано об объеме колхозной торговли в 1940 г. Дело в том, что, по подсчетам Ясного, эта ревизия была совершенно неоправдана, но прежде всего выступает факт полной секретности ревизии, упоминание которой в данной связи равносильно сознательной фальсификации. Насчет удвоения покупательной способности представляется следующая картина, основанная на результатах исчислений Ясного: покупательная способность рубля в общей розничной торговле (государственной и колхозной) увеличилась, исходя из общей стоимости ее объема в 1947 г. по ценам 1948 г. в сравнении с ценами 1947 г., ввиду заключающегося в этом сравнении снижения приблизительно с

441 млрд. рублей примерно до 315 млрд. рублей (т. е. приблизительно на 126 млрд. рублей), только на 29%, а ввиду того, что цены на услуги остались примерно такими же, как раньше, только на 25%. Эта дифференция, заключающаяся в разнице номинальной стоимости объема всей розничной торговли 1947 г. по ценам 1947 г. с одной стороны и по новым ценам 1948 г. с другой, была исчислена Ясным в 126 млрд. рублей, при чем дифференция в секторе государственной торговли им была исчислена в 56 млрд. рублей (331 минус 275), а в секторе колхозной торговли в 70 млрд. рублей (110 минус 40); данные по колхозной торговле были сообщены Советами только в 1957 г. в сборнике «Сорок лет советской торговли» и в 1959 г. в статье С. Фигурнова. Она была, таким образом, в действительности даже гораздо большей, чем по официально указанному снижению цен: снижение это, называющееся на языке советской статистической пропаганды «экономией населения на снижении цен», составило по тогдашним официальным данным только 87 млрд. рублей (57 млрд. рублей в секторе государственной торговли и лишь 29 млрд. рублей в колхозной торговле), что делает удвоение покупательной способности еще менее возможным, чем уже по исчислениям Ясного. Объявляя снижение цен «экономией населения», советские пропагандисты совершенно забыли о том, что снижение цен сельскохозяйственных продуктов на колхозных рынках, — в официальном исчислении определено как «экономия» на 29 млрд. рублей, а в исчислении Ясного как разница в 70 млрд. рублей, — является потерей для колхозников, т. е. очень значительной части всего населения, или, в рамках всего народного хозяйства, простым перераспределением доходов. Еще своеобразнее обстоит дело с «экономией» в другом секторе, а именно в государственной торговле. Отнюдь не все цены снизились: цены в общей государственной торговле в среднем остались приблизительно на том же уровне, как и до отмены

карточной системы, и в общей сложности даже повысились приблизительно на 7⁰%, потому что, хотя и была снижена цена на хлеб, муку, водку и пиво, цены на молоко, яйца, чай и фрукты почти удвоились, в то время как цены на непродовольственные товары в городе повысились примерно на 50⁰%, а в деревне остались на том же высоком уровне, как и раньше. Таким образом стоимость государственной, не-«коммерческой» торговли 1947 г. по ценам 1948 г. повысилась по сравнению с ценами 1947 г. с 211 млрд. до 227 млрд. рублей, т. е. на 16 млрд. рублей. Откуда тогда, спрашивается, вообще взялось снижение цен в государственной торговле, стоимость которой по новым ценам снизилась с 331 млрд. до 275 млрд. рублей, т. е. на 56 млрд. рублей? Вся эта дифференция получалась в результате отмены государственной «коммерческой» торговли, в которой раньше товары продавались и покупались по сверхвысоким ценам, и весь вопрос снижения цен и «экономии населения» на нем сводится к одному вопросу: кто, какие группы населения могли позволять себе до отмены карточной системы и ревизии цен покупать по таким ценам в магазинах государственной торговли и на колхозных рынках? Те, которые там раньше покупали, существенно выиграли вследствие этих мероприятий, на 100⁰% и больше, а те, которые не могли покупать в этих магазинах и на колхозном рынке, или ничего не выиграли, или даже потеряли. Таким образом, мы наблюдаем в этой «экономии населения» интересную дифференциацию: низкооплачиваемая группа от отмены карточной системы, валютной реформы и ревизии цен пострадала не непосредственно, а посредственно, так как самая высокая ставка в этой группе была около 260 рублей в месяц, т. е. в среднем не больше 130 рублей на душу этой категории семейств, в то время как стоимость пайка по карточкам была в среднем не меньше 170 рублей, что означает, что какая-то часть этой группы раньше должна была продавать карточки. От-

мена карточной системы лишила ее этой возможности. Средняя категория, с заработной платой в среднем около 430 рублей в 1947 г., зарабатывала как раз достаточно, чтобы выкупить весь паек по карточкам, платить за квартиру и другие услуги, т. е. только высшая группа этой средней категории покупала по высоким ценам, в то время как ее низшая группа, должно быть, также пострадала от этих мероприятий, при чем в этой средней категории, как и в разрезе всего трудящегося населения, выигрыш на мероприятиях руководства был тем большим, чем больше был месячный оклад. По-настоящему выиграла только высокооплачиваемая и сверхвысокооплачиваемая категория, т. е. те, кто в 1947 г. мог позволить себе тратить 50% и больше своего оклада на покупки на дорогих колхозных рынках и в сети коммерческой государственной торговли, но даже эта высшая категория в целом не могла испытывать удвоение реального дохода, поскольку и она, как и другие, должна была компенсировать повышение цен в общей торговой сети. Только сверхвысокооплачиваемая группа этой категории, лица с месячным окладом в 1400 рублей и больше в 1947 году, т. е. с доходом на душу семьи в 640 рублей и больше, из коего только одна треть шла на покупки по карточкам, квартирную плату и т. д., которые могли позволять себе тратить 75% всего оклада или больше на покупки по высоким ценам, действительно выиграла в связи с этой «экономией населения» в том масштабе, как это было провозглашено партийной статистикой, а это не составляет и двух процентов работавших по найму в то время.⁹

Все это в общем и целом очень поучительный урок о приемах советской партийной статистики. Больше того, разоблачение Ясным этого грубейшего обмана разъясняет нам на примере одного очень наглядного эконо-

---

⁹ Ibid., pp. 269—281.

мико-исторического события на трезвом языке цифр то, что нам уже известно в общеполитическом плане: 1) колхозное крестьянство считается советским руководством не населением, а чем-то другим, 2) настоящим населением, «народом» считается, очевидно, только верхушка, 3) меры, направленные, якобы, только против спекулянтов — таково было официальное обоснование этих мер, — в действительности направлены против подавляющего большинства всего населения.

К этой группе работ Ясного относятся и его анализ государственного бюджета СССР, который можно «читать» только владея указанными методами, и анализы показателей национального дохода.

В качестве третьего круга исследований Н. М. Ясного нам хочется выделить собственные исчисления Ясного, прежде всего в области тех показателей, которые, как долженствующие обосновать престиж советского строя, являются для него «политическими» и в которых, следовательно, вероятность научной объективности минимальна. На первом месте тут следует указать на одну из новейших книг Ясного «Советская индустриализация 1928—1952» (Soviet Industrialization 1928—1952, 1961), в которой разработаны все проблемы советской промышленной продукции и проведены исследования ее действительного роста. Она продолжает более старые его труды, как «Советская экономика во время плановой эры» (The Soviet Economy during the Plan Era, 1951) и «Индексы советской промышленной продукции 1928—1954» (Indices of Soviet Industrial Production 1928—1954, 1955). К этой группе работ относятся далее исчисление индекса трат на жизнь и определение, с помощью последнего, индекса реальных заработков городских рабочих, служащих и колхозных крестьян. Уже в 1951 году он в указанной работе «Советская экономика . . .», стр. 57—76, опубликовал следующие интересные показатели о тратах на жизнь в семьях рабочих (1926—1927 г. = 100):

	1928	1937	1940	1948
Базис исчисления:				
Московские цены, государственная и кооперативная торговля; товары и услуги.	101,4	810	1098	2342
То же, вся торговля, включая и частную.	101,4	749	1098	2162
Цены по всему СССР, вся торговля.	101,4	824	1208	2378
Цены на продовольственные продукты:				
в Москве,	103,1	1045	1361	3151
по всему СССР.	103,1	1105	1565	3334

Модифицируя эти индексы с учетом доходов служащих с их другой структурой бюджета семьи, Н. М. Ясный пришел к следующим общим индексам для всех работающих по найму в городах:

	1928	1937	1940	1948
	100	750	1100	2200

которые могут служить, в виде делителей, факторами перечисления объема частного потребления городского населения с несравнимых текущих цен на сравнимые, действительно настоящие неизменные цены 1926/1927 г.:

Частное потребление населения (в млрд. рублей), его численность и потребление на душу:

	1927/28	1937	1940	1948
Базис исчисления:				
Все частные доходы кроме средств на содержание военно-служащих и доходов крестьян натурой				
по текущим ценам	21—22	149	230	400
по настоящим неизменным ценам 1926/27 г.	21—22 (1928)	19,9	20,9	18,2
Доходы колхозного населения натурой (по настоящим неизменным ценам)				
	—	2,9	3,0	2,3
Содержание военнослужащих (по настоящим неизменным ценам)				
	—	0,5	0,7	0,7
Численность населения (в миллионах)				
	151,0	165,0	195,0	195,0
Потребление на душу населения в сравнимых ценах (в рублях)				
	139,0	141,0	126,0	109,0

Особенно детально разработанный анализ Н. М. Ясного посвящен вопросу о доходах колхозных крестьян и сельского населения на основании очень тщательного разбора всех источников их дохода, как денежных из оборотов на колхозном рынке и из распределения по трудодням, так и натуральных доходов, на основе всех

расходов колхозных семейств, цен на продовольственные и промышленные товары в сельской местности, оборотов Центросоюза и т. д. Статистический материал, переработанный и изложенный в этой работе, настолько обилен, что здесь нельзя дать даже представление о нем, и нам приходится удовольствоваться указанием на общий результат, а именно: реальные доходы на душу колхозного населения в выражении настоящих неизменных цен 1926/27 г. с 1928 г. (= 100) до 1952 г. достигли только показателя 60, т. е. снизились на 40%, а к 1958 г. все еще составляли только 93, против советских утверждений, что реальные доходы на душу крестьянского населения увеличились по сравнению с 1913 годом (уровень которого приблизительно такой же как 1928 г.) в 4—6 раз. Общее развитие реальных доходов этой категории населения на основе указанного исчисления представляется такими показателями:

Годы	1932/33	1936	1937	1938	1940
Показатели	53	60	81	63	60
Годы	1948	1950	1952	1955	1958
Показатели	50	55	60	75	93

Вопрос о реальном доходе колхозных крестьян является для советского руководства особенно неприятным: все данные, имеющие какое-либо отношение к нему, публиковались и публикуются чрезвычайно редко и разрозненно, и советская партийная статистика как раз в этой области не останавливалась ни перед чем, чтобы завуалировать действительную картину. Таким образом степень фальсификации тут особенно велика. Тем больше заслуга Ясного.

Необычайно и упорство Ясного в постоянном уточнении собственных анализов. Так, он работал над проблемой реального дохода колхозных крестьян около девяти лет, снова и снова перерабатывая весь имеющийся материал и исправляя прежние результаты на ос-

нове нового советского материала, публикуемого редко и отрывочно. Нередко ему приходилось констатировать, что картина еще более мрачна, чем он предполагал в предыдущей редакции своего анализа.

Одно из самых крупных достижений Ясного это его собственные исчисления фактических урожаев зерна в то время, когда понятие амбарных урожаев еще не было введено в советскую статистику и в ней царили официальные данные по расценке урожая «на корню», т. е. так называемые «биологические» и позже «фактические» валовые сборы зерна, которые были на 25% и больше преувеличены. Пользуясь выработанным им методом реконструкции настоящего фактического урожая путем суммирования всех количеств зерна, шедших на отдельные виды потребления, как и путем реконструкции фактических сборов из данных у советских авторов о проценте зерна по той или другой категории потребления (например корм, семена и т. п.), он уже в 1946 г., работая над книгой «Социализированное сельское хозяйство СССР» (1949), определил фактические валовые сборы зерна 1937, 1938 и 1939 гг. в 95,9 млн., 75,9 млн. и 82,2 млн. т, в то время как официальными данными за те же годы являлись тогда 120,3 млн., 94,9 млн. и 106,5 млн т. Ясный старался ни в коем случае не занижить эти сборы, он даже включил в подсчеты «украденное» колхозниками зерно, и действительно, результаты его анализа были несколько выше теперешних официальных советских данных. Особенно интересны его оценки сборов зерна в 1950 и 1951 гг.: официально эти сборы составили 124,5 и 121,3 млн. т, а Ясный определил их в 1952 г. в 92 и 89 млн. т, причем в 1956 г. он после получения более точных данных о численности населения снизил оценку для 1950 г. до 85 млн. т. В 1959 г., наконец, Советы опубликовали более «новые» (возможно это были старые, но содержавшиеся в секрете) данные за эти годы: 81,8 и 79,3 млн. т. Таким образом первоначальные подсчеты Ясного ока-

зались немного больше чем на 10% выше новых советских данных. Ясный до сих пор и, наверное, с правом, считает свои ревизованные цифры более точными, чем данные Хрущева, потому что Хрущев старается занижить «достижения» сталинского периода в целях поднятия собственного престижа. Эти случаи, как и многие другие, наглядно показывают, что оценки Ясного, к которым некоторые его коллеги относились свысока, часто более точны, чем данные ЦСУ с его многотысячным штабом сотрудников. Они оказываются более прочными и на испытание временем, чем данные советской статистики.

Четвертый круг исследований Ясного — его работы в области экономической истории СССР. Сюда относится, конечно, и упомянутый труд о сельском хозяйстве СССР, хотя бы потому, что период, охватываемый им, меньше всего поддается обычному экономическому анализу, так что труд Ясного в этой области является прочным и, в отличие от советских работ, поддающимся проверке примененных статистических операций и использованного материала, фундаментом для дальнейших экономико-исторических работ. Сюда относится также и его крупный труд об индустриализации, для которого справедливо сказанное нами относительно его большого труда о советском сельском хозяйстве: эта книга имеет фундаментальное значение для всех дальнейших исследований. Но наиболее ценной в этом отношении представляется нам работа нашего юбиляра о советском «перспективном» планировании.¹⁰ Там он указал на то, что советское долгосрочное и среднесрочное планирование, если и имеет, то очень мало общего с действительным экономическим развитием страны, что оно деградировало не только в смысле объема изданий, содержащих материалы плановых заданий в трудах объемом в два тома каждый по несколько сотен стра-

---

¹⁰ Ibid., pp. 159—269.

ниц, до брошюр, цифровой материал которых сводится к некоторым общим данным, которые притом сообщаются сугубо пропагандистски в печати и на местах, но и прежде всего в смысле функциональной связанности отдельных плановых заданий. Далее он указал, опираясь на богатый материал, что конкретная экономическая деятельность происходит на основе годовых и еще более краткосрочных планов, в то время как пятилетние, семилетние, двадцатилетние планы прежде всего нужны партии как инструмент пропаганды и как стимул для создания энтузиазма рабочих и в особенности для пропаганды за границей. В этой работе Ясный дает детальную характеристику каждого планового периода, но освобождается от схемы пятилеток и предлагает новую периодизацию советского экономического развития, основанную не на отрезках времени, но на самом экономическом развитии, на экономических показателях, в особенности на развитии национального дохода, промышленной продукции и транспорта. В этих показателях очень четко выделяются 6 периодов, обнаруживающих далеко не ровный, планомерный, неустанный прогресс, как это пытается внушить партийная пропаганда, но довольно сильные, так сказать конъюнктурные движения вверх и вниз, которые опять-таки отражают, как и следовало ожидать, скорее последствия политики коммунистической партии и лично Сталина, чем влияние научно выработанного плана и обусловленный им пропорциональный рост. Периоды Ясного следующие: 1928—1929; 1930—1933; 1934—1936; 1937—1940; 1941—1945; 1946—1952; 1953—? Вместе взятая, вся эта эпоха образует, после нэпа, эпоху индустриализации. Отдельным периодам Ясный придает следующие названия: начальные шаги (коллективизации и индустриализации), период форсирования, три «хороших» года, период чисток, вторая мировая война, высшее напряжение диктатуры Сталина, послесталинский период. Эта работа

представляет большой интерес не только потому, что выясняет выполнение и невыполнение отдельных пятилетних планов (автор составил полный обзор, сравнивающий задания с выполнением по 24 наиболее важным контрольным показателям), но прежде всего ввиду выяснения истории их составления, утверждения, «уточнения», исправления и т. д., т. е. всей той «предистории» планов, которая их обычно задерживала на долгое время и приводила к тому, что планы окончательно разрабатывались, редактировались и приобретали силу несколько месяцев позже, а то и гораздо позже, чем предусмотренное начало их действия. Ясный указывает, что проверка выполнения отдельных плановых заданий по всем позициям всех государственных планов или данным обещаниям — явление довольно редкое, кстати не только в СССР, но и на Западе. Так, он считает свое сравнение годовых плановых заданий ГОЭЛРО с их выполнением вообще первым, которое когда-либо было опубликовано. Не только по этим признакам недоброкачественного составления планов, но и в силу того обстоятельства, что плановые задания, после многочисленных ревизий, обычно в сторону увеличения, все более и более теряют экономическую связанность между собой, т. е. как раз свою пропорциональность, Ясный пришел к выводу, что эти планы не являются серьезным делом и что они наверное на Западе принимаются всерьез больше, чем в самих плановых органах СССР, которые сегодня выпускают одну цифру, а завтра другую, без должной согласованности с теми показателями, которые обязательно должны были бы быть связанными между собой.

Очень интересны и его сравнительные анализы планов во всех стадиях составления и иногда бешеного темпа увеличения задания. Весьма актуальны те части работы, в которых автор указывает на тенденции к более реалистическому планированию, наметившиеся с 1956 г. и нашедшие свое выражение в весьма умерен-

ных показателях, приведенных Хрущевым в речи по поводу 40-летнего юбилея Октябрьской революции 6 ноября 1957 года в виде общего долгосрочного плана, рассчитанного на 15 лет, который без сомнения являлся предварительной стадией последовавшего затем перспективного 20-летнего плана строительства коммунизма. Но эта стадия опять уже «преодолена» в сторону форсирования темпов планируемого развития, в особенности в личных выступлениях того же Хрущева. Весьма актуально и произведенное Ясным исследование многочисленных организационных реформ плановых органов, распределение их на органы для краткосрочного, «текущего» планирования с одной стороны и для «перспективного» с другой, с точки зрения чисто практической работы самого планирования.

Особая заслуга изучения экономической истории СССР Ясным заключается и в привлечении к анализу некоторых документов планирования, например того документа, который лежит в основе «вакханального» планирования второй пятилетки, а именно «Директив по подготовке второго пятилетнего плана по развитию народного хозяйства СССР (1933—1937)», утвержденных 17-й конференцией ВКП(б),¹¹ которые в литературе упоминаются исключительно редко. Другой случай это использование так называемого плана на 1941 г. (в действительности сборник статистических приложений к самому плану), секретного документа, сохраняющегося сейчас в США. Этот впервые использованный Ясным документ едва ли можно переоценить, потому что он содержит показатели не только в так называемых «неизменных ценах 1926—1927 г», но и в текущих ценах, так что их соотношение впервые стало документарно известным, почему этот документ и носил указание «не для публикации». На основании этого плана на 1941 г. составлена работа Ясного «Труд и выпуск продукции в

---

¹¹ «Правда», 5. 2. 1932.

советских концентрационных лагерях» (Labor and Output in Soviet Concentration Camps). В этой статье он дает свою оценку числа заключенных в концентрационных лагерях СССР, которая была далеко ниже всех других тогда существовавших оценок.

Поскольку Н. М. Ясный сам утверждает, что у него нет особенного метода, нам кажется уместным сделать еще некоторые замечания относительно его значения в области методологии исследования советской экономики. В ходе нашей попытки дать представление о творчестве Н. М. Ясного мы достаточно часто затрагивали отдельные его методы, примененные им для разрешения конкретных проблем анализа. «Отсутствие особого метода» это, нам кажется, другое, скромное обозначение той его основной мысли, что в особых условиях, в которых проводится всякое исследование советской экономики, все методы должны приспособляться к имеющемуся в наличии материалу, скорее даже вырабатываться в каждом отдельном случае на его основе, так как нормальные методы зачастую неприменимы и даже нет предпосылок для их применения. Таким образом, в области исследования советской экономики приходится приложить гораздо больше усилий и времени на проверку статистических данных, чем в случае исследования других народных хозяйств, ввиду того, что исследователь часто, как раз в самых важных случаях, имеет дело не со статистическим материалом как таковым, а скорее с той стороной «двойной бухгалтерии», задача которой — отпускать для «широких масс» населения и даже научных работников «общие статистические пайки». На основе этих «пайков», по признанию самих советских экономистов, нельзя вести серьезную исследовательскую работу. Н. М. Ясный из этого делает вывод, что исследования должны исходить не из общих данных, а наоборот из возможно более детальных данных о конкретных фактах отдельных секторов или узких подсекторов народного хозяйства, так как вероят-

ность фальсификации на этой низкой ступени статистики наименьшая. Дальнейший ход анализа можно описать термином «функционально-прогрессирующий метод», при применении которого приобретенные на самой низкой ступени детальные результаты проверяются путем их противопоставления функционально связанным с ними данным других подсекторов того же сектора, потом целых секторов, наконец других секторов с их подсекторами в прогрессирующем восхождении от частного к более общему. Проведение этой проверки с некоторых детальных исходных пунктов ведет и к проверке более общих данных об отдельных секторах экономики. Метод, на первый взгляд, традиционный, но его выдержанное применение предполагает, в условиях работы с советскими данными, исключительно хорошее знание всех ловушек партийной статистики.

Другой метод, широко применяемый Ясным, это метод проверки совместимости данных о двух функционально друг с другом связанных «звеньях» экономики, например промышленной продукции во взаимоотношении с транспортом; потребления зерна с данными о его производстве; «фантастичных утверждений» о жизненном уровне с потреблением в физическом выражении, в частности с потреблением на душу населения, по поводу которого Ясный однажды заметил: «Те, кто старается найти достижения в экономике СССР, находят удобным прекратить свой анализ подходя к вопросу потребления на душу населения»; личных доходов с розничной торговлей; объема строительства с производством строительных материалов и т. д. Эти проверки взаимосвязанных комплектов данных, правда, дают исследователю часто не больше, чем порядок величин, но знание порядка величины, а это имеет первостепенное значение, исключает крайности в результатах анализа, указывает на пределы экономически возможного и таким образом устанавливает рамки вероятного хода развития в тех случаях, когда ряды точно определенных

данных должны быть пополнены оценками. Особенно успешно применил Н. М. Ясный метод такого рода многократного приближения для определения среднего уровня номинальных заработков работающих по найму за 1948 и 1952 гг., где он в первом случае ошибся только на 1,2% вверх, а в другом на 6% вниз, в то время как его коллеги ошибались на 30% и больше. Проверка в этом случае стала возможной, так как через несколько лет советская статистика опубликовала повидимому правильные данные. Одна польза, пишет Ясный, есть в системе утаиваемой и искаженной статистики: она предоставляет в случае публикации правильных данных возможность проверки западных оценок (а, следовательно, и методов, на основе которых они были выработаны), предназначенных для замены скрываемого и искаженного.

Методика Н. М. Ясного в целом заключается повидимому в том, что он обращает особое внимание на поиски исходного пункта, т. е. начального, возможно более достоверного материала об одном экономическом узле, каким бы незначительным он ни казался на первый взгляд; далее в том, что он последовательно и в то же время чрезвычайно осторожно и критически применяет результаты своего опыта; наконец, в дальнейшей разработке и практическом применении концепции об экономическом целом. Н. М. Ясный, на наш взгляд, больше других занимался вопросами предвзятости и объективности ввиду особых условий, навязанных исследователю советской экономики самими советскими методами партийной статистики. В этом — залог его успехов.

Н. М. Ясному исполнилось 80 лет. С его жизненным путем, его формированием как ученого связано развитие русской экономической мысли. Читают его труды научные работники эмиграции, свободных стран

Запада, а также — мы в этом уверены — его коллеги в СССР, хотя и с неохотным признанием его достоинств. Его творчество к сожалению очень разбросано по многочисленным журналам. Как обстоит дело с сохранением и продолжением его дела? Есть ли у него ученики? Повидимому учеников прямых, личных, мало. Не время ли подготовить полное издание его трудов или хотя бы тех статей и работ, которые не вошли в состав больших книг?

Исследование советской экономики ставит перед нами весьма большие задачи: хотелось бы читать его второй том «Социализированного сельского хозяйства СССР» или дополненное и доведенное до настоящего времени второе издание этого труда, большую монографию о советском планировании, и другую о бюджете СССР, а также об экономической стороне хрущевских реформ, о развитии и состоянии послесталинской советской статистики, сводную работу о зарплатах и реальных доходах и их стратификации, о налоговой системе, об эффективности капиталовложений в СССР, о материально-технической базе коммунизма и нормах потребления, о механизации сельского хозяйства в СССР в сравнении с другими странами и т. д. Другими словами: мы желаем Н. М. Ясному жить еще столько, сколько ему потребуется для окончания всего того, что у него начато, для использования научных сокровищ его архива.

СПИСОК

избранных трудов Н. М. Ясного

А. Труды на русском языке

1. Регулирование хлебного рынка, Изд-во Союза городов, Петроград 1917.
2. Регулирование пищевого рынка, Министерство продовольствия, Петроград 1917.
3. Может ли быть Украина экономически независимой? «Союз», Харьков 1918.
4. Война и экономика, «Союз», Харьков 1919.
5. Зерновые элеваторы в Северной Америке и в России, «Центросоюз», Москва 1925.
6. Отдел «Зерно» в Энциклопедии советского экспорта, Торговое представительство СССР в Германии, 1-е издание Берлин 1925, 2-е издание Берлин 1928. Этот отдел во 2-м издании, написанный главным образом Н. М. Ясным или под его редакцией и по его плану, представляет собой небольшую по размерам, но обстоятельную энциклопедию мирового рынка зерна, охватывающую все фазы производства, торговли, обработки зерна и т. д.

Б. Труды на немецком языке

1. Der russische Weizen, Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1926.
2. Die Konkurrenzfähigkeit der wichtigsten Überseeländer auf dem Weizenweltmarkt, Berichte über Landwirtschaft, 1928.

1. Die neuzeitliche Umstellung der überseeischen Getreideproduktion und ihr Einfluss auf den Weltmarkt, Sonderheft 16 der „Vierteljahreshefte zur Konjunkturforschung“, Institut für Konjunkturforschung, Berlin 1930.
4. Die Zukunft des Roggens, Sonderheft 20 der „Vierteljahreshefte zur Konjunkturforschung“, Institut für Konjunkturforschung, Berlin 1930.
5. Bevölkerung und Landwirtschaft, „Schriftenreihe des Instituts für Landwirtschaftliche Marktforschung“, Heft 2, Berlin 1931.
6. Deutsche Roggenpolitik, „Deutscher Volkswirt“, Nr. 28, 29, 30 (10., 17., 24. April, 1931).
7. Die Standardisierung von Getreide, „Schriftenreihe des Instituts für Landwirtschaftliche Marktforschung“, Heft 4, Berlin 1932.
8. Der Schlepper in der Landwirtschaft, „Berichte über Landwirtschaft“, Sonderheft 62, Berlin 1932.
9. Die Märkte der wichtigsten landwirtschaftlichen Produkte (в сотрудничестве с А. Ханану), Handbuch der Landwirtschaft von Аеребое, Хансен и Ромер, Berlin 1930.
10. Die deutsche Getreidebilanz, (в сотрудничестве с А. Ханану), Blätter für landwirtschaftliche Marktforschung.
11. Sowjetische Planung, Beiträge zur Empirischen Konjunkturforschung, 25. Jahrestag des Instituts für Konjunkturforschung, Berlin 1950. В примечании к этой статье читаем: „Als es mir unmöglich wurde, meine Studien in meinem Mutterlande fortzusetzen, gab mir Weimar-Deutschland eine grossartige Gelegenheit, sie dort weiterzutreiben. Es freut mich sehr, diesen Anlass benutzen zu können, wenigstens zu einem geringen Teil meinen Dank abzustatten“ (Когда для меня стало невозможным продолжать исследования у себя на родине, Веймарская Германия пре-

доставила мне великолепную возможность заниматься ими здесь. Я очень рад выразить по этому поводу мою благодарность).

В. Труды на английском языке по экономике сельского хозяйства

1. Tractor Versus Horse for Farm Power, "American Economic Review", December 1938.
2. Wheat Problems and Policies in Germany, "Wheat Studies", November 1936.
3. Research Methods on Traktor Use on Farms, Studies on the History of American Agriculture, edited by Professor Harry J. Carman and Rexford G. Tugwell, Columbia University Press, New York 1938.
4. Competition among Grains, Food Research Institute, Stanford University, California, January 1940.
5. Proposals for Revision of Agricultural Statistics, "Journal of Farm Economics", May 1942.
6. Price and Cost of Bread in the United States and Other Countries, U. S. Department of Agriculture, Bureau of Agricultural Economics, processed, Washington, June 1943.
7. Decline and Recovery in European Agriculture, World War I and II, "Foreign Agriculture", April and May 1946.
8. Unirrigated Cotton in Southern Russia and the Danubian Countries, "Foreign Agriculture", January 1947.
9. Labor Productivity in Agriculture in USSR and USA, "Journal of Farm Economics", Vol. XXVII, No. 2, May 1945.
10. The Plight of the Collective Farms, "Journal of Farm Economics", Vol. XXX, No. 2, May 1948.
11. The Socialized Agriculture of the USSR, Stanford University Press 1949, 840 pages.

12. Soviet Agriculture and the 4th Five-Year Plan, "Russian Review", Vol. VIII, April 1949.

13. Law on Measures to Ensure High and Stable Yields in the Steppe and Forest-Steppe Regions, "Land Economics", Vol. XXV, November 1950.

Г. Труды на английском языке по вопросам зерна, муки и хлеба в классической древности

1. Competition Among Grains in Classical Antiquity, "American Historical Review", July 1942.

2. The Price of Wheat and Milling Costs in Classical Rome, Wheat Studies of the Food Research Institute, March 1944.

3. The Wheats of Classical Antiquity, John Hopkins University, Studies in Historical and Political Science, Baltimore 1944.

4. The Daily Bread of the Ancient Greeks and Romans, "Osiris", IX, 1950.

Д. Труды по советской экономике кроме сельского хозяйства

1. Intricacies of Russian National-Income Indexes, "The Journal of Political Economy", Vol. LV, No. 4, August 1947.

2. Soviet Statistics, "The Review of Economics and Statistics", XXXII, 1950.

3. International Organisations and Soviet Statistics, "Journal of the American Statistical Association", XLV, 1950.

4. The Soviet Price System, "The American Economic Review", XV, December 1950.

5. Results of the Five-Year Plan Periods, The Soviet Union, ed. W. Guryan, Notre Dame University, 1951.

6. The Soviet Economy during the Plan Era, Food Research Institute, Stanford University, 1951.

7. The Soviet Price System, Food Research Institute, Stanford University, 1952.
  8. Soviet Prices of Production Goods, Food Research Institute, Stanford University, 1952.
  9. A Close-up of the Soviet Fourth Five-Year Plan, "Quarterly Journal of Economics", May 1952.
  10. Labor and Output in Soviet Concentration Camps, "The Journal of Political Economy", October 1951, July 1952.
  11. Soviet Economic Growth, "Social Research", Spring, 1954.
  12. Der Sowjetische Staatshaushalt, „Finanzarchiv“, Tübingen 1954.
  13. Indices of Soviet Industrial Production 1928—1954, Council for Economic and Industry Research, Washington 1955.
  14. The Soviet 1956 Statistical Handbook: A Commentary, Michigan State University, 1957.
  15. Peasant-Worker Income Relationship: A Neglected Subject, "Soviet Studies", July 1960.
  16. A Note on Rationality and Efficiency in the Soviet Economy, "Soviet Studies", April and July 1961.
  17. Improving Soviet Planning, "International Affairs", October 1961.
  18. Soviet Industrialisation, 1928—52, Chicago University Press, 1961.
  19. Essays on the Soviet Economy, Praeger, New York 1962.
(Под тем же названием опубликовано в том же году Институтом по изучению СССР в Мюнхене).
-

Армбрустер, Валерий Густавович, родился в 1932 г. Экономист, работающий по вопросам советского народного хозяйства. Редактор и научный сотрудник Издательского отдела Института по изучению СССР (Мюнхен, Западная Германия).